

Алексей ГЕРМАН:

«ЕДИНСТВЕННОЕ СПАСЕНИЕ — ЭТО ПУСТИТЬ В ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Про меня говорят, что я авторитарен, что разогнал свой худсовет. Все правда. В худсовете люди все были достойные, но мне приходилось все время учитывать их мнения, которые, как правило, были резко отличны одно от другого и от моего, так что толку не получалось. Кинорежиссура — это ведь вообще-то понимание, что сказать, и состояние души. Все остальное в кино могут сделать оператор, художник и другие. Случается, человек был кинорежиссером — и вдруг перестало получаться. А это просто прошло состояние души. У тех, кто работает в моей студии, оно пока имеется. Сейчас у нас четыре стажера: фотограф, художник, кровельщик и артист. Попробую сделать из них режиссеров.

У нас снимает и мастер Сергей Овчаров — фильм «Барабанида». Станный такой, бегающий человек по всему свету с барабаном и чудит... Овчарову тоже стало одиноко в нынешнем нашем кино, он и прибил к нам. Кинематограф наш — самое растленное из искусств. Мы были рекламным агентством КПСС. Кто хорошо рекламировал — и жил хорошо. Кто от этого хилел — тот, естественно, и жил похуже. Теперь все это поломалось, и мы вообще никому не нужны. Сами виноваты. Сами распугали спонсоров. Были с ними не всегда честны, обещали, что они на нашем кино сделают деньги. Нельзя на нашем кино делать деньги. У нас в студии Ирина Евтеева сняла хорошую мультипликацию «Лощадь, скрипка и... немного нервно», первую, кстати, в Ленинграде, приглашена на многие фестивали. У нее дарование особое, она не будет гонять по экрану кот за мышью. Сейчас Ира начинает у нас полнометражный фильм по сказкам Гофмана.

Я сам снимаю в своей студии — развелся с «Ленфильмом». Но они меня все-таки достали. Мы уже самостоятельное предприятие, а они постановили, что моя группа должна получать в Москве суточных 25 рублей. Все и уехали. Потом, правда, опять приехали...

АЛЬМА-МАЧЕХА

Когда на «Ленфильм» из номенклатуры пришел новый директор Александр Голутва, мы его все любили. И как мне казалось, он нас тоже, а может быть, тогда так оно и было. Я говорил — смотрите, и там бывают прелестные люди. Оказалось, бывают, но временно.

Мы тут несли Таги-заде за то, что он закупил кучу плохих американских картин и тем погубил наше родное кино. А он мне передал через корреспондента Виталия Потемкина: чего это Герман ко мне вяжется, когда его любимый «Ленфильм» делает то же самое? Он-де сколотил деньги на продаже цветов, а «Ленфильм» — на сдаче внаем площадей и павильонов иностранным фирмам, убирая и сокращая таким образом собственное производство.

Как же получилось, что после нашей «кинематографической революции» собрались самые умные головы и стали думать, как нам все устроить, чтобы было хорошо — и додумались: устроили так, что мы оказались в полной зависимости от администратора? Он монополист. У него в руках все производство. Он сдает площади и продает услуги за валюту.

Иногда я вообще не понимаю, что происходит. У Сталина было определение «враг народа» — и все ясно. А тут бред.

О ЛЮБВИ

За прошедший год при всей нашей бедности (впрочем, принципиальной) мы исхитрились сделать семь полнометражных картин. О них говорят. Иногда даже хорошо. Я к ним отношусь по-разному, но все они, несомненно, из «области кино».

Мы, конечно, никакие не лидеры кинопроцесса. Разве что в Ленинграде. А в Москве я посмотрел картину брата директора «Мосфильма» (Николая Досталы, — Ред.) «Облако-рай». Думал, ну что хорошего может сделать брат директора? Но картина — замечательная.

У меня даже вырвалось, как у Сталина, когда он посмотрел «Большой вальс»: «Почему?! Почему не у нас?!» «Сиз ким сиз?» — замечательная картина. Вообще что-то в молодом кино все-таки происходит — вопреки всему. В Москве, в Средней Азии. Ну и у нас...

Из картин Студии ПиЭф самая моя любимая — агрессивно любимая — «Улыбка» Сергея Попова. Попов — человек необычайного и необычайно оригинального таланта, правда, пока как бы не вполне сформулированного.

«Жертва для императора» Розы Орынбасаровой по мотивам А. Куприна — несомненная удача, тем более что Роза выпускник-документалист. Картину купил Марк Рудинштейн за сравнительно большие деньги, чем поддержал студию.

«Папа, умер Дед Мороз» — картина Евгения Юфита из «параллельщиков-некрофилов». Мы под крики и проклятия позвали его к себе и сказали, что наблюдать поедание трупов неинтересно, а если он попробует снять что-нибудь, что можно смотреть — мы дадим полнометражный фильм. Он попробовал — по мотивам «Семьи вурдалака» А. Толстого. На мой взгляд, получилась очень хорошая картина — очень смешная. Хотя Толстым там, конечно, и не пахнет. Если ее воспринимать как фильм ужасов, то скучновато. Но толковые иностранцы хохочут. Один даже ногами топал от восторга. Совершенно получилось «непараллельное», забавное и мастерское кино.

Олег Ковалов, редактор, сделал интересную документальную ленту «Сады Скорпиона». Правда, в последний момент, по-моему, он ее подпортил — тем, что пошел в Америку, про которую на самом деле ничего не знает. Подвело наше желание не анализировать, а «пасти народы».

«Пандирь» Игоря Алимпиева, «Ой, вы гуси» Лидии Бобровой, «Переход товарища Чкалова через Северный полюс» Максима Пежемского, «Счастливые дни» Алексея Балабанова — это все дебюты непрофессионалов (если иметь в виду режиссуру игрового кино) и все картины, достаточно обласканные на разных фестивалях. Авторы уже пошли в жизнь, приглашены на «Ленфильм», и дай им Бог удачи. Но если не приживутся, вернутся к нам.

«Ленинград. Ноябрь» Олега Морозова — талантливая картина, по-моему, совершенно не понятая критикой. Морозов в век «чернухи» просто не стал снимать «чернуху», и его тут же обвинили в лакировке.

КРИТИКА КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Вообще критика с нами забавно занимается. Ругают, например, за картины, которых мы никогда не делали. «Экран и сцена» с нами интересно работала — три номера подряд. В одном выругали и Балабанова, и Евтееву, причем назвали это «субъективные заметки критика». Надо сказать, что «объективные заметки критика» писал только Сталин. В следующей статье похвалили Балабанова, сказав, что в предыдущей все написано неправильно. Потом похвалили и Евтееву. Но все время говорили, что мы делаем «чернуху». Мы не делаем «чернухи!» Мы делаем разное кино.

Я не против того, чтобы нас ругали или хвалили — меня в жизни и ругали, и хвалили — и, как видите, ничего. Но вы даже не представляете себе, какое огромное значение имеет неправильно поставленный маяк для молодого режиссера. Вас читают! Больше не на что ориентироваться. Все так смещено, запутано, смазано. И когда два критика ругнули — походя — Игоря Алимпиева, он взял и снял свою картину о хорошем японском фестивале.

Между прочим, революция в кинематографе — это моя заслуга. Потому что я помирил и Элема Климова, и Андрея Смирнова. У меня тогда запретили «Лапшина», и я устроил тайный просмотр. Сказал, что мне нужно посмотреть фильм, чтобы понять свои ошибки — и позвал друзей. Их проводили в просмотровый зал тройками. Евгений Лебедев делал вид, что не знаком с Товстоноговым. Климов и Смирнов тогда были в соре, не здоровались и сели в разных углах. Когда кончилась картина, Климов, кажется, первый сказал, что это катастрофа, стена, он меня уважает, но дальше так двигаться нельзя — это взбесившаяся форма и т. п.

Тут из своего угла закричал Смирнов (или это было наоборот — не помню точно): «Я с ним не разговариваю два года, но если я с ним согласен, ты должен понять, что это катастрофа!» Дальше мы орали до трех часов ночи. Я говорил, что они идиоты, ничего не понимают в кино. Сумароковы, сторонники «трех единств» и прочее в том же духе. Они кричали на меня — и на этом деле помирились. Были же такие странные времена, когда мы могли яростно ссориться по делу — и при этом сохранять самые лучшие отношения.

Я не призываю вас хвалить молодых — разбирайте их фильмы, мотайте им кишки — это очень полезно, когда по делу. Но нельзя же походя смазать молодого человека по носу — так, мол, плохо, что и говорить нечего. Надо иметь нашу школу, чтобы это выдержать и не потеряться.

Сейчас происходит большой прорыв в кино всякой сволочи. Постулат Рене Клера «Режиссером может быть всякий, кто не доказал обратного» используется, как у нас водится, наполовину: «Режиссером может быть всякий...» А доказывать ничего не надо. Все проходит. Ну покрывают — так это талантливому человеку больно, а дряни — все равно. Мне кажется, что единственное спасение — это пустить в жизнь художников. Если их будет побольше, то и с искусством, может быть, станет как-то полегче.

Семен Аранович заставил нас со Светланой Кармалитой написать заявку на сценарий о богослове Карсавине, и мы как проклятые читали богословские книги. Одна мысль Карсавина нас увлекла. Он пишет, что слово, которое примерно читается как «метанойя» и было переведено как «покаяние», означает на самом деле совсем другое. «Метанойя» — это «перемена ума», — то есть нечто большее. Переход от язычества к христианству был ведь не покаянием, а именно «переменой ума». И мне кажется, что нам, чтобы уцелеть с нашим кино, требуется сейчас «метанойя» — в истинном смысле этого слова.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПРОГРАММЕ ФЕСТИВАЛЯ

«...Вряд ли можно говорить о художественном единстве фильмов Балабанова и Евтеевой, Юфита и Ковалова, Попова и Орынбасаровой — дебютантов 1991 года. Но речь, без сомнения, может идти о безупречном германовском чутье на талант, который — пусть даже в конфликте с Мастером — отстоит и проявит свою «самость».

...Уже сейчас очевидно, что фильмы германовской студии — явление в нашем кино не случайное и творчески самостоятельное, которое, наверное, вполне можно сравнить со входами легендарной вгиковской мастерской Михаила Ромма».

Для картин киностудии ПиЭф маленький фестиваль в Киноцентре — первая встреча с так называемым простым, массовым зрителем. Надеемся, что он окажется не слишком уж «простым», но при этом достаточно массовым. И вообще желаем крестником Алексея Германа удачи. А ему самому, совершенно соглашаясь с тем, что сказано выше о критике «по делу» и «не по делу», обещаем, что еще не раз попробуем с ним поспорить — по нашему общему делу.

Записала Наталия БАСИНА.